

С. И. НИКОЛАЕВ

Стихотворение Якопоне да Тоди «О суете мира» в русских переводах XVII в.

Мысль о бренности всего сущего, «о последних временах», о смерти пронизывает всю средневековую культуру. Хотя отношение к смерти в Древней Руси — область мало исследованная, очевидно, что древнерусская культура сильно отличается от европейского средневековья в отношении к смерти.¹ В европейском сознании XV в. «три темы соединялись в мелодию неумолчной жалобы о конце всего земного великолепия. Во-первых, где все те, кто ранее наполнял мир этим великолепием? Далее, мотив повергающей в трепет картины тления всего того, что было некогда людской красотой. И наконец, мотив пляски смерти, вовлекающей в свой хоровод людей всех возрастов и занятий».² Можно полагать, что «щемящий ужас» второго и особенно третьего мотивов был чужд древнерусскому сознанию, даже эпоха барокко не знает оригинальных сочинений, описывающих разложение или грубый натурализм смерти.

Между тем мотив «былого великолепия» в его элегической интерпретации был столь же популярен и в древнерусской литературе. В цитируемых Й. Хёйзинга стихотворениях XII—XV вв. многое близко меланхолическому настрою покаянных стихов XVI в. или силлабической поэзии XVII в. Особенно примечателен приводимый голландским ученым отрывок из францисканского стихотворения XIII в., начинающегося словами «Что мир воюет для славы несбыточной?» («Cur mundus militat sub vana gloria?»):

Где Соломон, муж толикого знания,
Не претерпевый Самсон поражения,
Авессалом, с ликом дивна сияния,
Ионафан, полон дружеска рвеня?
Цезарь где, рати врагов побивающий?
Поутру где тот вельможа пирующий?
Туллий где, царственным словом блистающий?
Истины где Аристотель взыскующий?³

В этом отрывке многое знакомо по древнерусским памятникам, но дело здесь не только в узнаваемости мотива, само это стихотворение было известно русским книжникам в XVII в.

¹ См Лихачев Д С Литература эпохи исторических размышлений // ПЛДР Вторая половина XV в М, 1982 С 17, Арьес Ф Человек перед лицом смерти М, 1992

² Хёйзинга Й Осень средневековья М, 1988 С 149—150

³ Там же С 151

Судьба этого небольшого латинского стихотворения удивительна. Оно известно в рукописях с XIV в., в XV в. уже попало в печать и стало столь популярно, что в первой истории средневековой латинской поэзии, вышедшей в начале XVIII в., оно было приписано сразу трем авторам, жившим в разных странах и в разные века.⁴ Одним из них был теолог и мистик Бернар Клервоский (1090—1153).⁵ Другим — оксфордский архидиакон второй половины XII в. плодовитый поэт Вальтер Мап.⁶ Наконец, автором стихотворения назывался уроженец Умбрии Якопоне да Тоди (ок. 1230—1306) — выходец из знатной семьи, ставший адвокатом, а в 1278 г. после трагической гибели жены вступивший во францисканский орден и снискавший себе поэтическую славу религиозными стихотворениями на итальянском языке (лаудами).⁷ Среди приписываемых ему произведений на латинском языке назывался и знаменитый католический гимн «Stabat Mater dolorosa». Если принадлежность этого гимна Якопоне да Тоди оспаривается (хотя он и печатается в составе его сочинений),⁸ то со второй половины XIX в. он считается наиболее вероятным автором стихотворения «О суете мира» (или «О презрении к миру»), начинающегося словами «Cur mundus militat sub vana gloria».⁹ Оно печатается под его именем, хотя и очевидно, что Якопоне обработал схожее стихотворение XII в.¹⁰

В России стихотворение стало известно в середине XVII в. благодаря Симеону Полоцкому, правда, о широкой известности говорить не приходится, поскольку оно дошло до нас в авторской рукописи Симеона, в составе подборки «Carmina varia». На одной странице читается сразу три текста: латинский, польский (рядом друг с другом на верхней половине страницы) и церковнославянский (на нижней половине).¹¹ В 1966 г. Р. Лужный опубликовал польскую версию стихотворения, опустив 6 строк из 28.¹² При этом польский ученый считал, судя по всему, что Симеон

⁴ См Leyserus P *Historia poetarum et poematum Medii Aevi* Lipsiae, 1721 P 421, 786, 2003

⁵ См PG Series latina Parisus, 1854 T 184 Col 1313—1316

⁶ См The latin poems commonly attributed to Walter Mapes / Ed T Wright London, 1841 P 147—148

⁷ См Н Ге Якопоне из Тоди // Энциклопедический словарь Изд Ф А Брокгауз, И А Ефрон СПб, 1904 Т 41^a С 611—613, Шишмарев В Ф Латинская литература и народная поэзия Италии (раннее средневековье) // Шишмарев В Ф История итальянской литературы и итальянского языка Л, 1972 С 206—207, Итальянская поэзия в русских переводах XIII—XIX века М, 1992 С 18—21, 725

⁸ Vecchi G *Poesia latina medievale* Parma, 1952 P 326—331

⁹ Chevalier U *Repertorium hymnologicum Catalogue des chants, hymnes, proses, sequences, tropes en usage dans l'église latine* Louvain, 1892 T 1 P 249 (N 4146), Walther H *Initia carminum ac versuum medii aevi posterioris latinorum* Göttingen, 1959 S 197 (N 3934), Idem *Initia carminum Ergänzungen und Berichtigungen zur I Auflage von 1959* Göttingen, 1964 S 1226 Текст стихотворения см в следующих изд Trench R C *Sacred latin poetry* London, 1849, Daniel H A *Thesaurus hymnologicus sive hymnorum cantorum sequentiarum circa annum MD usitatarum collectio amplissima* Lipsiae, 1855 T 2 P 379—380, T 4 P 288—291, Raby F J E *A history of christian latin poetry from the beginnigs to the close of the Middle Ages* Oxford, 1953 P 434—435, *Poesie latine chretienne du moyen age IIIe—XVe siècle* / Ed H Spitzmuller Paris, 1971 P 968—971

¹⁰ См *Analecta hymnica medii aevi* / Hrsg von C Blume und G M Dreyes T 33 *Pia dictamina Reimgebete und Lesehieder des Mittelalters Sechste Folge* Leipzig, 1899 S 267—268, Zabłocki S *Polsko łacinskie epicedium renesansowe na tle europejskim* Wrocław, 1968 S 25—26

¹¹ См ПГАДА, ф 181, № 1800, л 139

¹² См Łuzny R *Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylanskiej a literatura polska* Krakow, 1966 S 147—148

является автором всех трех версий.¹³ В 1989 г. польский текст был перепечатан в антологии польской поэзии барокко, уже с указанием, что это парафраза «известного средневекового текста о суете мира „*Surg mundus militat sub vana gloria*“».¹⁴ Якопоне да Тоди не упомянут, что объяснимо, так как его авторство все же вызывает сомнения.

В 1990 г. в сборнике стихотворений Симеона Полоцкого были впервые полностью опубликованы польский и церковнославянский переводы.¹⁵ Публикация, однако, неудачна: особенно в польском тексте много ошибочных чтений (отсюда и ошибки в переводе на современный русский язык), не учтены верные чтения Р. Лужного, небрежно издан и церковнославянский текст («суетный» вместо «суетней», что искажает смысл; «Тулий» вместо «Туллий»; «изменища» вместо «изменища»; «суповати» вместо «уповати»).¹⁶ Из слов в комментарии: «В указанной рукописи содержится также выполненное самим автором переложение стихотворения на церковнославянский язык» и далее: «Здесь же находится и латинское переложение этого стихотворения»¹⁷ — явствует, что издатели усвоили Симеону Полоцкому все три текста, исказив тем самым их взаимоотношение. В действительности польское и церковнославянское стихотворения являются переложениями латинского, а не латинское и церковнославянское — переложениями польского. Между тем именно так понял издателей следующий исследователь, А. А. Илюшин: церковнославянский текст он посчитал переводом с польского, «подправил» его и опубликовал, предложив «считать новой редакцией старого, „исправленного и дополненного“».¹⁸

Приводим польское и церковнославянское стихотворения Симеона Полоцкого по указанному автографу.

Czemu świat hołduje sławie niestatecznej,
Której szczęście nie ma godziny bezpiecznej?
Tak prętko jej władza ponosi odmianę,
Jak łatwo się kruszy naczynie gliniane.
Powiedz, gdzie Salomon sławą uwielbiony,
Albo gdzie jest Samson, wódz niezwykłony?
Gdzie śliczny Absolon udatnej postawy?
Gdzie luby Jonatas każdemu łaskawy?
Dokąd dziś ustąpił on Cesarz wielmożny,
Albo świetny bogacz, rozkosznik niezbożny?
Powiedz, gdzie Tullius z słodkością wymowy?
Gdzie Aristoteles z dowcipem swej głowy?
Gdzie ona moc, państwa i sławne krainy,
Królestwa, prałactwa? Już wszędzie szczerbiny.
Jak wiele włodarzów, książąt wiele było,
We мгnieniu źrzenice wszystko się zmieniło.

¹³ Ibid. S. 124. Здесь же опубликованы первые четыре строчки церковнославянского текста.

¹⁴ См.: Helikon sarmacki: Wątki i tematy polskiej poezji barokowej. Wrocław, 1989. S. 285—286.

¹⁵ См.: Симеон Полоцкий. Вирши / Сост., вступ. статья, подгот. текстов и коммент. В. К. Былинина, Л. У. Звонаревой. Минск, 1990. С. 172—173, 410—411. На с. 173—174 — прозаический перевод польского стихотворения на современный русский язык.

¹⁶ О небрежности подготовки текстов в этом издании см. рец. П. А. Ролланда (Slavic and East European Journal. 1993. N 2. P. 243—245).

¹⁷ Симеон Полоцкий. Вирши. С. 410, 411.

¹⁸ См.: Илюшин А. А. Ранние стихи Симеона Полоцкого: (заметки переводчика с польского на церковнославянский) // Studia polonica: К 60-летию В. А. Хорева. М., 1992. С. 189. См. также: Илюшин А. А. С польского на славяно-русский: (К проблеме перевода «*Carminum variorum*» Симеона Полоцкого) // Сов. славяноведение. 1990. № 1. С. 94—95.

Nie długi to jarmark tegoświetnia sława,
 Jako cień człowieczy roskosz jej ustawa.
 A zawsze dobro nam wieczyste umyka,
 We mgnieniu źrzenice wszystko się zamyka.
 O karmo robactwa! o ziemny popiele!
 O roso! O próżność! Chlubisz się tak śmiele,
 Sam nie wiesz, jeśli dzień oglądasz jutrzejszy,
 Staraj się, wszystkim byś mógł być wygodniejszy.
 Nie kładź przeto ni w czym ufności uprzejmie,
 Bo coś świat darował, prętko to odejmie.
 O wieczne staraj się, umysłem bądź w niebie,
 Szczęśliwy, który świat zarzuci za siebie.

Почто мир суетней славе работает,
 Ея же блаженство в часе исчезает?
 Толь скоро власть ея zde ся изменяет,
 Коль сосуд скуделен сокрушен бывает.
 Повеждь, где Соломон славою почтенный,
 Или где есть Сампсон, вождь непобежденный?
 Где есть Авесолом, лицом украшенный?
 Где Иоанафан, сладкий возлюбленный?
 Камо¹⁹ обратися он Кесарь вельможный,
 Или богатый он пировник безбожный?
 Повеждь, где днесь Туллий сладкоглаголивый,
 Или Аристотель претонкомысливый?
 Толь мнози вельможи и славныя страны,
 Толици владыци и вещи избранны,
 Толь мнози князие во вселенней быша —
 Все ся в мгновении ока измениша.
 О тли, снеди червей и пепеле земный!
 О росо, суето, что тако надменный?
 Не веси, аще день грядущий узриши,
 Днесь, егда можеши, всем да угодиши.
 Не даждь убо сердцу в мирских уповати,
 Что бо мир дарует, то хоцет отъяти.
 Пецися о вечных умом в небо зрети,
 Блажен, иже мир сей возможе презрети.²⁰

Переложения Симеона Полоцкого не датированы, осторожно их можно отнести к 1650-м или даже 1660-м гг.²¹ Ни в «Вертоград многоцветный», ни в «Рифмологион» Симеон эти стихи не включил, и, вероятно, это было поэтическое упражнение, в его творчестве поэтические переводы не встречаются (за исключением автопереводов).²²

Более счастливая судьба была уготована следующему переводу, который появился не позднее 1680-х гг. и известен в ряде рукописей (по большей части рукописных песенников) конца XVII—XVIII в.²³ Этот перевод не-

¹⁹ *Испр.; в ркп. како.*

²⁰ РГАДА, ф. 381, № 1800, л. 139. Хотя «перевод» А. А. Илюшина не более чем научный курьез, приводим первые строки (разрядкой выделен сохраненный текст Симеона):

Почто мир привержен славе скоротечной,
 Ея блаженству несть години безпечной.
 Толь скоро власть ея zde ся изменяет,
 Коль сосуд скуделен сокрушен бывает и т. д.

(Илюшин А. А. Ранние стихи Симеона Полоцкого. С. 188).

²¹ См. датировку сборника 1640—1653 гг. в кн.: Симеон Полоцкий. Вирши. С. 400.

²² См.: Николаев С. И. Польская поэзия в русских переводах. Вторая половина XVII—первая треть XVIII в. Л., 1989. С. 22—30. Для выработки стиля это упражнение в переводе рекомендовал позднее Феофан Прокопович, см.: Феофан Прокопович. Соч. / Под ред. И. П. Еремина. М.; Л., 1961. С. 353—354.

²³ Списки в РНБ: собр. Титова, № 4172, л. 159 об.—160; собр. Погодина, № 426, л. 59 об.—60; собр. Погодина, № 1974, л. 69 об.—71; Q.XIV.150, л. 10—10 об.; Q.I.426,

ожиданно рано был предан тиснению. «Предан тиснению» не метафора, а *terminus technicus*: стихотворение было включено в гравюру на меди, изображавшую колесо Фортуны.²⁴ Лист выполнен плодовитым гравером первой половины XVIII в. М. Н. Нехорошевским (ок. 1700—1758), который учился, а затем работал в гравировальной мастерской Санкт-Петербургской типографии в 1719—1727 гг., позднее в Москве, где, вероятно, и была изготовлена гравюра, датируемая второй четвертью XVIII в.²⁵

В конце столетия перевод был опубликован в сборнике духовных стихотворений, изданных московским купцом Я. Добрыниным в 1799 г.²⁶ Состав сборника очень пестрый: стихотворение Якопоне да Тоди читается среди духовных стихов и торжественных кантов, переложений псалмов Симеона Полоцкого, Феофана Прокоповича, М. В. Ломоносова, стихотворений Стефана Яворского, В. К. Тредиаковского и др. В 1881 г. текст стихотворения по гравюре Нехорошевского был напечатан Д. А. Ровинским.²⁷

Первым исследователем, изучавшим стихотворение, был В. Н. Перетц, который опубликовал его по списку конца XVII в. параллельно с польской версией стихотворения по сборнику польских духовных песен 1829 г. В. Н. Перетц пришел к выводу, что русское стихотворение переведено с польского языка в XVII в. с некоторыми отступлениями.²⁸

Наконец, в 1983 г. одна строфа изучаемого текста была издана вместе с нотами в сборнике русских кантов XVIII в.²⁹

Ни в одной из публикаций нет упоминаний о латинском источнике и его авторе. Вопросом о происхождении стихотворения занимался только В. Н. Перетц, но его выводы были оспорены П. И. Житецким. И рукопись, которой пользовался В. Н. Перетц, и сам перевод он отнес, исходя из языковых данных, «скорее к XVIII, чем к XVII в.». Сопоставление же русского перевода с польским изданием 1829 г. приводит, по мнению Житецкого, к сомнительным заключениям «за отсутствием современного польского оригинала».³⁰ Между тем датировка перевода XVII в. справедлива, так как известны рукописи 1680-х гг. (РНБ, собр. Погодина, № 426 и 1974). Упрек в некорректности использования издания 1829 г. также можно отклонить, так как польский текст, начинающийся словами «*Czemu pod chorągwią ruchy świat hołduje...*» в издании 1829 г., ничем не отличается от предшествующего издания 1828 г., а в более раннем издании 1754 г. находим лишь незначительные лексические отличия.³¹ Впервые эта песня

л. 463 об.—464; Q.XIV.25, л. 120 об.—121; Q.XVII.212, л. 519 об.—521 об. Еще 6 списков из собраний ГИМ, с которыми мне ознакомиться не удалось, указано в кн.: *Verse und Lieder bei den Ostslaven 1650—1720: Incipitarius I. Anonyme Texte / Zusammenestellt von F. Schäfer und J. Bruss. Hrsgb. von H. Rothe. Köln; Wien, 1984. S. 150—151.*

²⁴ См.: РНБ, Отдел эстампов, собр. Олсуфьева, т. 8, № 1454.

²⁵ Биографические сведения об этом гравере мне сообщила М. А. Алексеева, за что я ей искренне признателен.

²⁶ См.: Духовные и торжественные псалмы, собранные в пользу любителей оных московским купцом Яковом Добрыниным. М., 1799. С. 30—31.

²⁷ См.: Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 3. С. 90. Текст без деления на стихотворные строки.

²⁸ См.: Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1900. Т. 1. С. 150—154.

²⁹ См.: Копылова В. С. Избранные русские канты XVIII в. Л., 1983. С. 11.

³⁰ См.: Житецкий П. [Рец. на кн.: Перетц В. Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1900. Ч. 1—2]. СПб., 1903. С. 23. (Отд. отт. из Отчета о присуждении премий митрополита Макария в 1901 г.).

³¹ См.: *Pieśni katolickie według obrzędów kościoła rzymskiego ... wydane. Kraków, 1754. S. 538—540; Pieśni nabożne na święta uroczyste według porządku kościoła świętego rzymskokatolickiego na cały rok zebrane z przydatkiem nowych pieśni przedrukowane. W Uzdzie, 1828. S. 413—415.*

о презрении к миру была издана на польском, вероятно, в 1745 г.,³² но известна и по более ранним рукописным сборникам.³³ Сравнение русского перевода с более поздним польским изданием с известными оговорками допустимо (эти издания вообще сохранились очень плохо). Вопрос, однако, заключается в другом: с польского ли языка был сделан перевод?

В. Н. Перетц отметил, что русский текст иногда значительно отклоняется от оригинала «или же дает перевод совсем свободный, не совпадающий с оригиналом».³⁴ Но объясняется это не творческой манерой переводчика, а тем, что перед глазами у него был не польский, а латинский текст. Показательно сравнение первой строфы стихотворения в трех языковых версиях.

Почто мир гордится во временной славе,
Его же блаженство мимо ходит яве?
Тако бо вся слава его увядает,
Як сосуд скудельный скоро ся скрушает.

Czemu pod chorągwia pychy świat hołduje,
Którego fortunem niestatek panuje?
Tak słaba potęga i takie odmiany,
Jak w ręku niepewnych garnek jest gliniany.

Cur mundus militat sub vana gloria,
Cuius prosperitas est transitoria?
Tam cito labitur eius potentia,
Quam vasa figuli, quae sunt fragilia.³⁵

Зависимость русского текста от латинского очевидна особенно во 2-м стихе, так как здесь латинский и польский сильно расходятся. Ср. еще несколько отдельных стихов (в польском выделены курсивом места, отсутствующие в русском и латинском):

Или Самсон от всех вой ³⁶ непреборимый
Gdzie Samson, *narodu strach filistyńskiego*
Vel ubi Samson est, dux invincibilis

Или Авесалом лицом бысть прекрасный
Gdzie *złote kędziory są Absolonowe*
Vel pulcher Absalon, vultu mirabilis

Где Кесарь отъиде, славный велением,
Или богач, дмяйся весь учреждением?
Gdzie Cesarz *Julius, Pan niezwyçizony,*

³² См.: Nowicka-Jeżowa A. Pieśni czasu śmierci: Studium z historii duchowości XVI—XVIII wieku. Lublin, 1992. S. 447, 449. В 1674 г. в сборнике «Небездельное безделье» польского поэта В. Коховского был опубликован его перевод на польский язык разбираемого стихотворения (без указания автора), см.: Kochowski W. Pisma wierszem i prozą. Kraków, 1859. S. 87 (первой пагинации). Перевод стал известен и русским читателям, так как эта книга была, в частности, в библиотеке Симеона Полоцкого—Сильвестра Медведева и в Посольском приказе.

³³ См.: Eustachiewicz M. Twórczość Dominika Rudnickiego (1676—1739). Wrocław, 1966. S. 177.

³⁴ Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы. Т. 1. С. 154.

³⁵ Русский текст цитируется по ркп. РНБ, Q.XIV.150; польский — по изд. 1754 г. (см. примеч. 31); латинский — по изд. 1971 г. (см. примеч. 9). Подстрочный перевод: «Чему поклоняется мир под знаменем тщеславия, когда над его счастьем господствует непостоянство? Так слаба мощь и такие перемены, как глиняный горшок в неосторожных руках» (польск.); «Почему мир действует под [властью] тщетной славы, чье счастье преходящее, так быстро проходит ее сила, как сосуды горшечника, которые хрупки» (лат.).

³⁶ В списке РНБ, собр. Титова, № 4172 — «вождь».

Gdzie bogacz workami zewsząd obłożony?

Quo Caesar abiit, celsus imperio,

Vel Dives splendidus, totus in prandio?

Отличия русского текста от польского объясняются чтениями латинского первоисточника. В русском переводе есть и сложные места, так, стих «Или Ионафан, врагом си ужасный» не соответствует ни латинскому «*Vel dulcis Jonathas, multum amabilis?*», ни польскому «*Gdzie miłe wejżenie zniko Jonatowe?*». Не исключено, что здесь ошибка переводчика, хотя эта характеристика нисколько не противоречит описанию Ионафана в Библии (1 Кн. Царств). В целом же переводчик очень хорошо понимал латинский текст и использовал в переводе устойчивые словосочетания, так, для слов «*vasa figuli*» (4-й ст.) он подыскал библейское же соответствие «сосуд скудельный скоро ся скрушает» (ср.: «яко сосуды скудельничи сокруши я», Пс. 2). В 18-й стих он добавил от себя, опять из Псалтыри (Пс. 102), сочетание «польная трава», известное по духовным стихам и другим памятникам. К сожалению, не удалось установить непосредственный источник перевода, отметим, что в известном латинском тексте (равно как и в польском) нет соответствий и заключительным шести стихам русского стихотворения. Это обстоятельство, однако, не отменяет основного вывода: анонимный перевод стихотворения Якопоне да Тоди появился не позднее 1680-х гг. и был выполнен с латинского оригинала.

Текст стихотворения во всех просмотренных рукописях и изданиях в той или иной степени испорчен, так, ни в одном из списков не сохранен 12-тистложник, которым был выполнен перевод, есть ошибки в написании имен собственных и пр. Лучшее всего текст сохранился в списке РНБ, Q.XIV.150 (нач. XVIII в.). Здесь только в трех стихах есть отклонения от 12-тистложника (как раз эти отступления есть во всех списках). Особенностью этого списка, а также текста на гравюре Нехорошевского, является то, что двустушие о Кесаре и богаче стоит после двустушия о Туллии и Аристотеле, тогда как в латинском оригинале и других русских списках обратный порядок. Перестановка стихов объясняется, вероятно, тем, что у писца перед глазами был рукописный песенник, в котором строфа была записана в строку или даже на разных сторонах листа. В нижеприведенной публикации эти два двустушия переставлены местами в соответствии с латинским оригиналом и другими русскими списками (специально перестановка не оговаривается). В публикации сделано еще одно исправление: Ионафам исправлено на Ионафан по тексту гравюры Нехорошевского (это исправление также не оговаривается). Из разночтений в других списках отметим одно: в основном списке читаем, что Самсон «от всех вой непреборимый», тогда как в ряде списков (РНБ, Q.XVII.212; собр. Погодина, № 426; собр. Погодина, № 1974; Q.XIV.25; собр. Титова, № 4172) в соответствии с оригиналом «от всех вождь непреборимый».

Приводим текст стихотворения с двумя указанными исправлениями:

Почто мир гордится во временной славе,
Его же блаженство мимо ходит яве?
Тако бо вся слава его увядает,
Як сосуд скудельный скоро ся скрушает.
Повеждь, где Соломон некогда премудрый,
Или Самсон от всех вой непреборимый,
Или Авесалом лицом бысть прекрасный,
Или Ионафан врагом си ужасный?
Где Кесарь отъиде, славный велением,
Или богач, дмяйся весь учреждением?
Повеждь, где Туллий со сладким речением,
Или Аристотель с мудрым вещанием?

Тако много времен, тако владычествий,
 Премочных градов, и царств, и величествий,
 Все цари и князи, мудрецы преишоша,
 Во мгновении ока як сень погибоша
 О, краткий праздник есть сего мира слава,
 Як сень человека и польная трава,
 Иже вземлет от нас небесное царство,
 Обещавая нам кратко господарство
 О, снеде червием, о пепеле земный!
 О, роса утрення, человек временный!
 Никакоже веси, долго ли живеши,
 Покайся истинно дондеже не умреши
 Не тешся во вещех, яже мир дарует,
 Что бо днешь дарует, утро отымует
 Вечное блаженство в небе воспоминай,
 Мир же сей суетный от себе отгоняй
 Блажен муж, кто мира суетнаго бежит,
 Сей бо небесное царствие наследит,
 Еже подаждь, Боже, и нам получити,
 Изволь щедроты твоя нам источити,
 Богородицы ради светлой царицы,
 Славныя пренепорочныя девицы,
 Молитвами ея нас от бед сохраняй,
 Геенны огненной во веки избавляй³⁷

Следует, наконец, упомянуть еще один перевод XVIII в., на этот раз украинский. В сентябре 1725 г. Я. А. Маркович (1696—1770), воспитанник Киево-Могилянской академии, любимый ученик, а затем и друг Феофана Прокоповича, записал в дневнике: «Переводилем песнь Якопония латинскую „*Cur mundus militat sub vana gloria etc.*...“ на верши русские, ниже писанные».³⁸ Из этой записи явствует, что в кругах Киево-Могилянской академии автором стихотворения считался Якопоне да Тоди. Для образчика приведем первые и последние строки его перевода, насчитывающего всего 40 строк.

Чому свет о славе стоит нестатечною,
 А сталости его не видно беспечною?
 Так падаєт сила его без отмены,
 Як утло начинне, зделанное з глины

Не называй своим, що можеш втеряти,
 Що свет дает тебе, намерен отняти
 Помышляй вышня, сердцем в небе живи,
 Шастлив есть человек, свет марный презревай³⁹

* * *

У этого стихотворения редкостная судьба: спустя несколько веков после создания оно было переведено в России ученым монахом, затем анонимом, чей перевод еще в XVII в. попал в рукописные песенники, потом в народную гравюру, а в конце XVIII в. оказался в книге рядом с русскими духовными стихами. Чему обязано это стихотворение такой необычной карьерой? Разумеется, своим несомненным поэтическим достоинством. Историк религиозной поэзии на латыни Ф. Д. Э. Рэби писал об этом стихотворении, что в нем есть нечто, «выводящее его за пределы теологических и религиозных рамок и придающее более всеобщий смысл, свойственный

³⁷ РНБ, Q XIV 150, л 10—10 об

³⁸ Дневник генерального подскарбия Я Марковича Киев, 1893 Ч 1 С 292

³⁹ Там же С 292, 293 Ср Каганов Н Я Я Маркович и его «Дневник» как материал для истории просветительства на Украине в первой половине XVIII в // Проблемы русского просвещения в литературе XVIII в М, Л, 1961 С 113—126

возвышенной светской поэзии, которая во все времена обращалась к сходным темам». ⁴⁰ Это суждение, конечно, справедливо, но для нас недостаточно, ведь никаких других стихотворений европейского средневековья русская переводная поэзия XVII в. не знает. Надо отметить, что латинский вклад (в отличие от польского) в русскую силлабику почти неощутим. Так, Петр Артемьев, обучавшийся в Венеции в 1688—1691 гг., вернулся оттуда фанатичным католиком, был сослан на север, где, между прочим, перевел стихами с латыни молитву Богоматери. ⁴¹ Эрнст Глюк в первые годы XVIII в. перевел стихами же знаменитый католический гимн «Dies irae». ⁴² Хорошо известен перевод Мардария Хоникова 1679 г. с латыни стихотворных подписей к Библии Н. Пискатора, ⁴³ а в 1718 г. сосланный в Москву мазепинец И. П. Максимович перевел с латыни элегии брюссельского иезуита Г. Гуго «Желания благоговейная». ⁴⁴ Этим, кажется, и ограничивается участие латинской религиозной поэзии в русской силлабике.

Небольшое стихотворение Якопоне да Тоди (а в переводе и сокращенное за счет нескольких выпущенных строк) удивительным образом оказалось созвучно элегическому тону русской силлабики. ⁴⁵ Мотив «где ныне?» («ubi sunt...?») не был изобретен средневековой латинской поэзией, он гораздо старше и был известен древнему миру, при этом он оказался живуч и нередок в новой литературе (см., например, «Дон Жуан» Байрона). ⁴⁶ Считается, что топос возник в древнегреческой риторике, откуда стал известен римской литературе, а затем и византийской. ⁴⁷ Для нас важно то обстоятельство, что топос встречается в сочинениях византийских церковных писателей: у Кирилла Александрийского, Ефрема Сирина. ⁴⁸ Здесь открывается дорога в литературу славянского мира, потому что усвоение античных формул и образов через византийское посредство — традиционный путь античной топики в древнеславянские литературы. ⁴⁹

Когда именно этот топос попал в древнерусскую литературу, судить пока трудно, во всяком случае близкие параллели находятся уже в «Сказании о Борисе и Глебе» ⁵⁰ В XVI в. топос встречается как в переводных, так и в оригинальных русских сочинениях. Вполне ожидаем он в Повести

⁴⁰ Raby F J E A history of christian latin poetry P 436

⁴¹ См Шляпкин И А Св Димитрий Ростовский и его время (1651—1709 г) СПб, 1891 С 221

⁴² См Перетц В Н «Dies irae» в русских переводах XVIII в // Литературный вестник 1901 Т 2, кн 8 С 301—302

⁴³ См Успенский А И Царские иконописцы XVII в М, 1913 Т 1 Приложение С 1—51 Ср перевод Симеона Полоцкого Белоброва О А Древнерусские вирши к гравюрам Маттиаса Мериана // ТОДРЛ Л, 1990 Т 44 С 443—479

⁴⁴ См Николаев С И Литературные занятия Ивана Максимовича // ТОДРЛ Л, 1985 Т 40 С 385—399, Русская литература — век XVIII Лирика М, 1990 С 40—42

⁴⁵ Ср Панченко А М Русская стихотворная культура XVII в Л, 1973 С 202—207

⁴⁶ Ср Białostocki J Vanitas Z dziejow obrazowania idei «marnosci» i «przemijania» w poezji i sztuce // Białostocki J Teoria i tworczość O tradycji i inwencji w teorii sztuki i ikonografii Poznań, 1961 S 105—136, Skwarczynska S Z dziejow inkarnacji poetyckich topow «Ubi sunt?» // Prace polonistyczne Łódź, 1976 Ser 32 S 29—51

⁴⁷ См Becker C H Ubi sunt qui ante nos in mundo fuere // Aufsätze zur Kultur und Sprachgeschichte vornehmlich des Orients Breslau, 1916 S 87—105 К сожалению, только по названию мне известна работа, в которой, по словам Беккера, приведены примеры из древнеримской литературы, см Bright J The «ubi sunt» formula // Modern language notes 1893 Vol 8 P 187—188

⁴⁸ См Батюшков Ф Спор души с телом в памятниках средневековой литературы СПб, 1891 С 20, 86

⁴⁹ См Буланин Д М Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв München, 1991 С 88—89

⁵⁰ См ПЛДР XI—начало XII в М, 1978 С 282

о споре жизни и смерти в устах Смерти: «Да еще скажу ти, послушай мене: от Адама и до сего дни сколке было людей, царей и князей, и владык, жен и девиц, то всех аз побрала. Самсон силный, не богатырь ли был, не силнее ли тебе был? ... Александр, царь макидонский, удал и храбр был, и всему подсолнечному на земли царь и государь был, да и того яз взяла, аки единого от убогих. А царь Давид, в пророцех пророк был, — да и того яз взяла».⁵¹ Не менее, а более показателен покаянный стих XVI в.:

Душе моя, како не устрашаешия,	Где гордящиеся о народехо?
Видяше во гробех лежаши	Где златом и бисером красящася?
Кости обнажены, смердящи?	Где кичения и любви?
Разумей и виждь:	Где мздоимание?
Где князе, где владыка,	И суд нелицемерно, неправдою убыстрено?
Где богат, где нище?	Где господин или рабо?
Где лепота образа?	Не все ли есть одинако
Где велеречие премудрости?	Прах и земля и кал смердящи? ⁵²

В XVII в. формула «где ныне?» встречается в самых разных памятниках, например, Иоанн Милютин в предисловии к составленным им Четьим-Минеем (сер. XVII в.) писал: «Кто ли тя избавит от толикаы беды, не чаял еси себс, беззакониче, и смерти. Соломон царь не мудр ли был, да и того смерть восхитила. Или Александр Македонский такоже не мудр ли и не храбр ли был? И Самсон сильный и иные прочии? А от началу миру много и богатых и славных было и сильных и храбрых, да и тех смерть приняла».⁵³ Другой вариант формулы — перечисление некогда славных государств и городов — читается в «Слове совершителном книги географии, в ней же воспоминание о разрушении царств» 76-главной Космографии: «Где Индия многостаятельная и Ефиопия и тех великое пространство со отоцы морскими? Где Асирия Богом любимая, в ней же избранный град Иерусалим и Палестина достохвалная, из него же изыде Христос по плоти и вси пророцы и апостоли? Где Антиохия град Божий, и обетованная гора Синай, и Александрия преименитая? Где многомудрая Афиня и грады еллинския многофилософныя? Где Египет и Ливия с Вифсаидою же бо-гоизбранных муж дуноносцев со монахи, яко песок вскрай моря? Где пресветлый Царьград, святых телес наполненный?» и т. д.⁵⁴ Наконец, формулу «где ныне?» находим в «Книге толкований» протопopa Аввакума: «Верите настоящему сему веку? Не быша ли прежде вас сильнии царие и князи, богатии и убози, малии и велиции? Где оне? Се видим, пожерты быша, всех поглоти смерть, всех увяди, всех истини! Воистину, быв яко не быв. Возри во гроб и виждь: где юность, где очи краснии и зрак наш? Вся изше, яко сено, и яко цвет отцвете, и яко трава посечена бысть. Гной, червие, смрад лют, блудящая плоть бедная лежит, таже прах и без вести бысть».⁵⁵

⁵¹ ПЛДР: Середина XVI в. М., 1985. С. 48, 50. Ср. также переведенный с польского «Разговор магистра Поликарпа со смертью»: Повести о споре жизни и смерти / Исследование и подгот. текстов Р. П. Дмитриевой. М.; Л., 1964. С. 201.

⁵² ПЛДР: Вторая половина XVI в. М., 1986. С. 556. Ср.: Ранняя русская лирика: Репертуарный справочник музыкально-поэтических текстов XV—XVII вв. Л., 1988. С. 116, 285—286, 344—350.

⁵³ Понырко Н. В. Милютин Иоанн Иванов (Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси») // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 67.

⁵⁴ Космография 1670 г. / Изд. Н. Чарыкова. СПб., 1878—1881. С. 448—449.

⁵⁵ Житие протопopa Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск, 1979. С. 121. См. также в письме к семье того же времени: ПЛДР: XVII век. Кн. 1. М., 1988. С. 542.

Вполне естественно появление этого топоса в стихотворениях на эсхатологические темы, но только со второй половины XVII в.⁵⁶ Вот ряд примеров.

«Френы, или Плачи» (1669) Симеона Полоцкого на смерть царицы Марии Ильиничны:

Где Нинивия, где славная Троя?
 время погубих и со следом своя.

 Где патриарси, цари, пророцы,
 славныя жены, силнии отроцы?
 Вся смерть во гробех своих заключила,
 и едва неких память оставила.⁵⁷

В «Стихах на суетства мира» (1682) символам величия древнего мира (Самсон, Александр Македонский, Елена Прекрасная, Крез, Кир) посвящено по несколько строк:

Где древних слава есть, они же нам скажут
 И токмо письмени едины повествуют?
 Где премудры Соломон, ему же никто подобен,
 В премудростех глубок, кто бысть ему соравен?

 Где Александр, ему же бысть мала вселенная?
 От всех бо ся зря зело превозвышена,
 Их же царства всего мира премногих победил
 И многия страны мечем си разорил.⁵⁸

«Краесогласии пятерострочия о прелести суетнаго мира сего» (1691):

Но помысли всяко, Мир лукавый прельстил	Коликих и како И коль зле погубил
Безчестно.	
Что Авесалому, И что Езавели	Сыну царску злому, Мир сей злый — не зле ли
Содеял?	
Силнаго Самсона, Прелстил мир сей како?	Мудра Соломона Ей, плакати всяко
Достоит.	
Яко Вавилонско Где суть ныне царства,	Или Македонско Силы и державства
Сих грозны?	
Где власть ассирийска, Велия держава,	Греческа и римска Монархов их слава
Над весь свет? ⁵⁹	

«О смерти» (конец XVII в.):

Где убо ныне бывши миролюбцы,
 славныя и лакомыя златолюбцы?
 Где ныне по премудростех спеюЩИи,
 дивная и преславная деюЩИи,
 Иже яко свет в жизни своей сияли,
 разумом и красотою лиц блистали?

 Где ныне гордо возвышающися
 и лакомствы си насыщающися?⁶⁰

⁵⁶ Для поэзии первой половины века этот топос не характерен, см., например, книгу: Вишневая поэзия. (Первая половина XVII в.). М., 1989.

⁵⁷ Симеон Полоцкий. Virshi. С. 311, стр. 298, 317.

⁵⁸ ИРЛИ, coll. Величко, № 26, л. 15.

⁵⁹ Панченко А. М. Стихотворный отклик на свержение царевны Софьи // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1974. М., 1975. С. 88, 91.

⁶⁰ Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. С. 318.

В «Лестнице к небеси» (начало XVIII в.) Смерть вопрошает:

Кто похвалится ныне на сей земле быти,
иже бы могл в телеси безсмертно пожити?
Никто.⁶¹

Далее она перечисляет свои жертвы: Александр Македонский, Гектор, Ганнибал, Ксеркс, Самсон.

Формула «где ныне?» связана, безусловно, в первую очередь с эсхатологической темой. Но она могла получить и политическое наполнение, так, в «Скифской истории» (1692) А. Лызлова она связана с антитурецкой пропагандой:

Да зрим убо: где днесь Ассирийское царство?
Где сильное Вавилонское государство?
Где Сириа, Понт и Антиохиа?
Где Ливиа, Херсон и обоя Индиа?
Где Венгерско царство? Оно облако злато,
Прежде цветущее, ныне попрано в блато!
Где безчисленны христианские народы?
Вси пожертъ от поган за свои незгоды!⁶²

Но в эпоху барокко возможен и более неожиданный поворот от «memento mori» («помни о смерти») к девизу «carpe diem» («лови день»): поскольку все умрем, то надо пользоваться жизнью, ловить мгновение. Именно так построена «Застольная песня» петровской эпохи:

Для чего не веселиться?
Бог вестъ, где нам в завтра быть!
Время скоро изнурится,
Яко река, пробегит:
И еще себя не знаем,
Когда к гробу прибегаем.

Где нынъ все богатыри,
Цесарь, Александер где?
Яко бедны пастыри,
Смертно вси скончались.
Царство царство удоляет,
Само же к концу поспеваает.
.....
Свет и все, что в нем, мне даром,
Я веселье возлюблю.⁶³

Но эта песня — все-таки исключение. Формула «где ныне?» связана с темой смерти и в старообрядческой поэзии XVIII в. (среди других царей здесь упоминается и Петр I),⁶⁴ и в русских народных картинках,⁶⁵ и в синодиках.⁶⁶ Много позднее мы встречаем ее и в светской поэзии, в стихотворении А. И. Клушина «Все пройдет» (1793),⁶⁷ т. е. тоpos органично вошел в русскую эсхатологическую поэзию. На этом фоне более понятно восприятие стихотворения Якопоне да Тоди. Пожалуй, нет другого западноевропейского стихотворения с такой редкостной судьбой в русской

⁶¹ Там же. С. 322.

⁶² Лызлов А. Скифская история. М., 1990. С. 277—278. Эти стихи переведены с польского, см.: Николаев С. И. Польская поэзия в русских переводах. С. 64—65.

⁶³ Вирши: Силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1935. С. 282.

⁶⁴ См.: Рождественский Т. С. Памятники старообрядческой поэзии. М., 1910. С. 120—121.

⁶⁵ См.: Ровинский Д. Русские народные картинки. Кн. 3. С. 93—97, 101.

⁶⁶ См.: Петухов Е. В. Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895. С. 242—244.

⁶⁷ См.: Поэты XVIII в. Л., 1972. Т. 2. С. 346—349.

силлабической поэзии XVII—XVIII вв. На эту судьбу повлияло несколько факторов. Конечно, в первую очередь, это замечательный гимн «о презрении к миру» и суете всего сущего. В нем нет ничего, что могло бы насторожить конфессионально строгого православного книжника; наконец, оно развивает темы, близкие русской эсхатологической литературе и потому элегическое францисканское стихотворение XIII в. смогло прижиться в русской духовной поэзии. Как бы ни было отлично отношение к теме «последних времен» в средневековой Европе от православного Востока, в эсхатологии обеих ветвей христианства много общего.